

Встреча для вас

ПЕСНЯ, СПЕТАЯ
ВПОЛГОЛОСА

— Как вы отнеслись к этой новости?

— Если честно, то никак. Нет, не подумайте, что оставила меня равнодушным. Просто еще не уразумел, что это такое, хотя, конечно, новость для всех нас радостная, и самолюбие, вернее, тщеславие мое она потешила. Однако моей личной заслуги, я считаю, в этом нет. Режиссер Владимир Меньшов сумел заставить нас, не расплескав, донести все эмоции до зрителя.

Думаю, успеху, пусть даже и мелодраматичного фильма, способствовало и то, что тема его оказалась близкой, житейски понятной всем. Согласитесь, он смотрится.

— И не только у нас.

— Да, совсем недавно мы с Татьяной вернулись из Франции, где участвовали в музыкальном фестивале «Песня сегодня». «Москва» шла в это время в Париже, в кинотеатре «Космос», который специализируется на показе советских лент. И публика на концерте, когда объявили наше выступление, начала скандировать: «А-ле-ксандр-а!»

— А к этому как вы отнеслись? Ведь лестно, наверное, было?

— Не скрою. Но надо учитывать интерес и любовь французам ко всему русскому. А перед тем, как мы вышли на сцену, слушатели уже были достаточно подогреты русскими народными песнями, романсами. И потом многие из присутствовавших в зале днем побывали на репетициях и знали, что «Александр» мы будем петь по-французски. Это тоже польстило хозяевам фестиваля. Вспомните, как нам было в свое время приятно, когда «задумчивый» голос Монтана звучал по-русски.

— Сергей, вас знают как исполнителя не только собственных, но и чужих песен. В каком случае вы чувствуете себя свободнее в интерпретации?

— Исполнение песен профессиональных композиторов требует профессионального исполнения. Мера ответственности для такого любителя, каковым являюсь я, чрезвычайно велика. И поэтому петь чужие вещи я берусь лишь в ис-

За музыкальное оформление фильму «Москва следам не верит» присужден «Оскар». Наш корреспондент беседует с автором музыки, прозвучавшей в этом фильме, — СЕРГЕЕМ НИКИТИНЫМ.

ключительных случаях и лишь тогда, когда убеждаюсь в их исключительной доброте.

Со своими легче: знаешь, что рекламации никто не предъявит. Но сложнее, так как постоянно хочется что-то добавить. И этому «хочется» предела нет. Иную песню по полгрома улучшаешь. И никак не остановиться.

— Но потом ведь точку все-таки ставите?

— В общем-то да. Если не я сам, то редактор или фирма «Мелодия», записав ее на пластинку.

— Вы — один из немногих самодеятельных композиторов, кто никогда не писал стихов к своим песням.

— Никогда не писал их вообще. И, наверное, не буду писать. Хотя что-то в песне ведь должно быть сделано профессионалами. В моих — это стихи. Выбирать их очень трудно. Хороших стихов у нас очень много — горы. Но большинство их написано без расчета на то, что кто-то к ним будет подбирать музыку. Она в них уже есть, и что-то добавлять уже бесполезно. Можно только испортить все. Иные уже и так стали песнями. Очень, очень трудно найти подходящие для песен стихи. Ведь тут нужна особая строка.

— А музыка? Она легко пишется?

— Сейчас уже нет. А раньше все как-то просто получалось. Труднее, думаю, стало потому, что со временем я стал сознательнее и требовательнее относиться к сочинительству. Уже появились конкретные, порой довольно сложные задачи, направленность появилась. Поэтому и стало труднее. Складывается песня долго и мучительно, и на дозревание, как я уже говорил, уходит немало времени.

— Однако этого не скажешь, слушал как ваши самые первые, так и последние песни.

— Ну если песня «запахнет потом», следует бросить это дело.

— А как получилось, что вы, человек не гуманитарного склада ума, занимающийся естественными науками, стали писать песни?

— Случайно и в то же время по потребности. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, когда я учился в МГУ, на нашей официальной эстраде преобладала песня, настроя которой я бы назвал дежурно-оптимистическим. Помните: «У московских студентов...», «Едут новоселы» и другие. Я не хочу сказать, что эти песни были ненужными. Многие из них и сейчас еще звучат. Но нужны были и другие, более личные, чтобы их можно было напевать под настроение, вполголоса.

— Короче, был вакуум?

— И он начал заполняться. Появились Окуджава, Городницкий, Высоцкий, Кукин, Клячкин, Визбор. Появились песни, в которых...

— ... «петь ребят о любви поют чуть охрипшими голосами»?

— Да. Именно этого нашей эстраде тогда не хватало.

— А как появился Сергей Никитин?

— Услышал Окуджаву. Песни Булата Шалвовича меня потрясли. Я стал их напевать. Сначала про себя, потом все громче и громче. Со временем набрался нахальства и сочинил свою песенку. О маленьком трубаче. Поправилось. Причем не только мне. Тут я совсем осмелел и преподнес ее своему другу в качестве подарка к дню рождения. Так вот я начал дерзать на этом поприще.

— Вашего «Маленького трубача» поют до сих пор.

— Странно, что так получилось. Ведь я всегда писал для очень узкого круга, даже для каких-то конкретных людей. Например, почти все детские песенки — «Пони» и другие — написаны для нашего сына.

— И ни разу этому праву не изменили?

— Во всяком случае, стараясь. Ведь оно, с одной стороны, спасает, а с другой — и обязывает.

— Потому что песня рано или поздно вырывается из узкого круга лиц, кому она была посвящена?

— И если она не совсем хороша, скажем, неудачна, то...

— Но ведь дареному коню...

— На то есть и другая поговорка: «На тебе, боже...» И если «коню» в какой-то мере спасает, то этот самый «на тебе» как раз и обязывает.

— А как же с песнями для кинофильма?

— Ну, это уже совсем тяжко. Во-первых, требуется высокий профессионализм, его у меня, к сожалению, нет, так как профессионалом можно считать себя лишь в том случае, если имеешь академическую музыкальную подготовку. А во-вторых, тут имеется дело с заказом, а следовательно, и с конкретным сроком, к которому этот заказ должен быть выполнен. С одной стороны, это дисциплинирует творческий процесс, а меня, поскольку я любитель, это и сковывает. И когда случается выполнение какой-то заказа, я привлекаю все свои внутренние резервы, использую свои старые заготовки, весь свой багаж.

— Сочинять и петь песни стало для вас второй профессией. Как к этому относится ваша первая профессия?

— Изменять я ей не собираюсь. Трудно сочетать, но необходимо. Моя основная — научная работа — это часть моей жизни.

— Сергей, а что вы поете дома, в кругу друзей, для себя?

— Пою то, что нам всем нравится. Окуджаву, Кима, Высоцкого.

— А Никитина?

— Очень редко и то, когда очень просит.

— Семейным дуэтом? Кстати, Татьяна, до того, как стала Никитиной, пе-ла?

— Нет, она запела после того, как мы познакомились и поженились.

Беседу вел
Альберт МАЛОВЕРЯН.